7. Майстренко М. Б. Стратегический менеджмент персонала: теория и практика. – Киев: Знание, 2021. – 312 с.
8. Кравченко А. И. Управление талантами в современной организации. – М.: Академический проект, 2023. – 256 с.
9. Щербинин А. М. Мотивация и вовлечённость персонала в цифровую эпоху. – М.: Дашков и К, 2024. – 196 с.
10.Сафина Г. Г. Оценка эффективности управления человеческими ресурсами: методология и инструментарий. – Казань: Казанский университет, 2023. – 178 с.

Рецензент: кандидат экономических наук, доцент Абыкеева М. А.

УДК 349.6
DOI 10.58649/1694-9099-2026-3-385-393

Иманбердиев Д.Ч., Суранбаев К.Т., Бекжанов С.Б., Айткалиев А.К., Нуралиева Н.Б.
Жусуп Баласагын атындагы КУУ
Иманбердиев Д.Ч., Суранбаев К.Т., Бекжанов С.Б., Айткалиев А.К., Нуралиева Н.Б.
КНУ имени Жусупа Баласагына
Imanberdiev D.Ch., Suranbaev K.T., Bekzhanov S.B., Aitkaliev A.K., Nuralieva N.B.
KNU Jusup Balasagyn

ТУРУКТУУ ӨНҮГҮҮ БОЮНЧА МАМЛЕКЕТТИК САЯСАТТЫ КАЛЫПТАНДЫРУУНУН ЧЕТ ӨЛКӨЛҮК ТАЖРЫЙБАСЫ ЖАНА АНЫ КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНДА ИШКЕ АШЫРУУ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
FOREIGN EXPERIENCE IN SHAPING STATE POLICY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND PROSPECTS FOR ITS IMPLEMENTATION IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Кыскача мүнөздөмө: Макала туруктуу өнүгүү боюнча мамлекеттик саясаттын чет өлкөлүк моделдерин салыштырма-укуктук талдоого жана аларды Кыргыз Республикасында колдонуу мүмкүнчүлүктөрүн баалоого арналган. Европа Биримдигинин жөнгө салуучу модели (European Green Deal, туруктуу каржылоонун таксономиясы), АКШнын стимул берүүчү модели (NEPA жана «жашыл» өтүүгө багытталган экономикалык механизмдер), Кытай Эл Республикасынын борборлоштурулган модели (мамлекеттик пландоо жана экологиялык стандарттар), ошондой эле Казакстан Республикасынын интеграциялык модели («жашыл экономикага» өтүү концепциясы) изилденген. Өзгөчө көңүл Кыргыз Республикасында туруктуу өнүгүүнүн укуктук негиздерине: жагымдуу айлана-чөйрөгө болгон конституциялык укуктун кепилдиктерине, айлана-чөйрөнү коргоо жана экологиялык экспертиза боюнча мыйзамдарга, бюджеттик жана стратегиялык пландоонун инструменттерине, ошондой эле тармактык ченемдик укуктук актыларга, анын ичинде кайра жаралуучу энергия булактары тармагындагы мыйзамдарга бурулат. Кыргыз Республикасынын Улуттук статистикалык комитетинин жана эл аралык маалымат базаларынын статистикалык маалыматтарынын негизинде климаттын өзгөрүшүнө ыңгайлашуу, экологиялык ачык-айкындуулук жана Туруктуу өнүгүү максаттарынын (ТӨМ) социалдык багыты боюнча улуттук саясаттын артыкчылыктары негизделет. Туруктуу өнүгүү принциптерин ишке ашыруунун мыйзамдык жана институционалдык механизмдерин өркүндөтүү боюнча сунуштар берилет.

Аннотация: Статья посвящена сравнительно-правовому анализу зарубежных моделей государственной политики устойчивого развития и оценке возможностей их адаптации в Кыргызской Республике. Исследованы регулятивная модель Европейского Союза (European Green Deal, таксономия устойчивого финансирования), стимулирующая модель США (NEPA и экономические стимулы «зеленого» перехода), централизованная модель Китая (планирование и экологические стандарты), а также интеграционная модель Республики Казахстан (концепция «зеленой экономики»). Особое внимание уделено правовым основам устойчивого развития в Кыргызстане: конституционным гарантиям права на благоприятную окружающую среду, законодательству об охране окружающей среды и экологической экспертизе, инструментам бюджетного и стратегического планирования, а также секторным актам, в частности в области возобновляемых источников энергии. На основе статистики Национального статистического комитета Кыргызской Республики и международных баз данных обоснованы приоритеты национальной политики в части климатической адаптации, экологической транспарентности и социального измерения ЦУР. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и институциональных механизмов внедрения принципов устойчивого развития.

Abstract: The article provides a comparative legal analysis of foreign models of state policy on sustainable development and assesses the prospects for their adaptation in the Kyrgyz Republic. The EU regulatory model (the European Green Deal and sustainable finance taxonomy), the U.S. incentive-based model (NEPA and economic instruments for the green transition), China’s centralized model (planning and environmental standards), and Kazakhstan’s integration model (the Green Economy Transition Concept) are examined. Particular attention is paid to Kyrgyzstan’s legal framework, including constitutional guarantees of the right to a healthy environment, environmental protection and environmental expertise laws, budgetary and strategic planning instruments, and sectoral regulation, including renewable energy legislation. Based on statistical data from the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic and international databases, the paper substantiates national policy priorities related to climate adaptation, environmental transparency, and the social dimension of the SDGs. Proposals are formulated to improve legislation and institutional mechanisms for implementing the principles of sustainable development.

Негизги сөздөр: туруктуу өнүгүү; мамлекеттик саясат; жашыл экономика; стратегиялык пландаштыруу; экологиялык укук; Туруктуу өнүгүү максаттары (ТӨМ); Кыргызстан.

Ключевые слова: устойчивое развитие; государственная политика; зеленая экономика; стратегическое планирование; экологическое право; ЦУР; Кыргызстан.

Keywords: sustainable development; public policy; green economy; strategic planning; environmental law; SDGs; Kyrgyzstan.

Переход к устойчивому развитию в XXI веке рассматривается как императив государственного управления и международного сотрудничества. С одной стороны, устойчивое развитие выступает ответом на углубление экологических кризисов (изменение климата, деградация экосистем, дефицит воды), с другой — задает рамки для модернизации экономики и повышения качества жизни через призму социальной справедливости. На международном уровне концепция получила нормативное закрепление в докладе Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (1987 г.), была институционализирована на Саммите Земли в Рио-де-Жанейро (1992 г.), а позднее получила дальнейшее развитие в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Парижском соглашении по климату [1–4].

Для Кыргызской Республики устойчивое развитие является одновременно условием сохранения природного капитала (горные экосистемы, ледники, водные ресурсы) и механизмом преодоления социально-экономической уязвимости. Нормативные основы в стране сформированы, однако их реализация сталкивается с проблемами координации, финансирования, эффективности экологической экспертизы и недостаточной интеграции ЦУР в бюджетно-программный цикл. Согласно Третьему

обзору результативности экологической деятельности Кыргызской Республики, подготовленному Европейской экономической комиссией ООН, ключевые ограничения эффективности экологической политики связаны прежде всего с институциональной фрагментарностью, недостаточной межведомственной координацией и ограниченными механизмами мониторинга реализации экологических требований. В документе подчеркивается необходимость усиления стратегического управления и интеграции экологических приоритетов в систему государственного планирования и бюджетирования [5].

В юридической доктрине устойчивое развитие трактуется как комплексный принцип, объединяющий экологические, экономические и социальные императивы. Его содержание раскрывается через принципы предосторожности, предотвращения вреда, «загрязнитель платит», межпоколенческой справедливости и участия общественности. Системность подхода предполагает, что экологическая политика не может существовать изолированно, а должна быть интегрирована в экономические и бюджетные решения.[6]

Международно-правовая рамка устойчивого развития включает (а) универсальные документы, определяющие цели и ориентиры (Повестка 2030), (б) климатические обязательства (Парижское соглашение), (в) процедурные конвенции, усиливающие транспарентность и участие граждан (Орхусская конвенция). Для Кыргызстана значимым является участие в Орхусской конвенции, обеспечивающей доступ к экологической информации, участие общественности в принятии решений и доступ к правосудию по экологическим вопросам.[7]

Таким образом, государственная политика устойчивого развития в правовом смысле должна включать: 1) стратегическое целеполагание и измеримые индикаторы; 2) нормативные обязанности государства и субъектов хозяйствования; 3) процедурные гарантии участия и контроля; 4) финансово-экономические инструменты (налоги, субсидии, «зеленое» финансирование); 5) систему мониторинга и ответственности.

Европейский Союз последовательно формирует регулятивную модель устойчивого развития, опирающуюся на наднациональные цели и обязательность исполнения актов ЕС. Ключевой рамкой выступает Европейский зеленый курс (The European Green Deal), который определяет переход к климатической нейтральности к 2050 году как стратегию роста, объединяющую промышленную, энергетическую, транспортную и аграрную политику.[8]

Особое значение имеет развитие «зеленых» финансов: Регламент (ЕС) 2020/852 (таксономия) создает единые критерии экологически устойчивой экономической деятельности, что позволяет государствам и рынкам капитала унифицировать подход к финансированию проектов, снижающих климатические риски и воздействие на окружающую среду.[9] В контексте адаптации для Кыргызстана важно отметить: (а) связку климатических целей и инвестиционных стандартов; (б) институционализацию классификации «зеленых» проектов как условие доступа к финансированию; (в) сильную систему мониторинга.

Американская модель в большей степени ориентирована на процедурные гарантии и экономическое стимулирование экологически ответственного поведения. Закон о национальной экологической политике (NEPA) закрепил обязанность федеральных органов учитывать экологические последствия решений и проектов, создав механизм оценки воздействия на окружающую среду (EIA/EIS).[10]

В американской практике наряду с процедурным механизмом NEPA активно используются финансово-налоговые стимулы поддержки экологически ориентированных технологий, включая налоговые льготы, субсидирование возобновляемой энергетики и поддержку инновационных проектов в сфере декарбонизации. Такая модель демонстрирует сочетание нормативного регулирования и рыночных инструментов воздействия, при котором государство формирует обязательные процедурные рамки и экономические стимулы, а частный сектор обеспечивает технологическую модернизацию. В сравнительно-правовом аспекте данный подход позволяет рассматривать оценку воздействия на

окружающую среду как универсальный фильтр публичных решений, а финансовые механизмы — как средство ускорения структурных преобразований экономики.

Китайская модель устойчивого развития характеризуется высокой степенью институциональной централизации и стратегического планирования. Экологические цели и количественные показатели последовательно интегрируются в пятилетние планы социально-экономического развития, а также в систему оценки деятельности региональных органов власти. В рамках данной модели экологические индикаторы (снижение энергоемкости ВВП, сокращение выбросов загрязняющих веществ, увеличение доли возобновляемых источников энергии) включаются в систему управленческой ответственности провинций и муниципалитетов, что усиливает дисциплину исполнения. Существенную роль играют государственные инвестиционные программы в сфере энергоэффективности, «зеленой» инфраструктуры, восстановления экосистем и развития циркулярной экономики. Одновременно усиливается нормативное регулирование экологических стандартов и цифровой мониторинг выбросов. [11]

В сравнительно-правовом аспекте данная модель демонстрирует, что при высокой степени управленческой централизации возможно ускоренное внедрение экологических стандартов и масштабирование «зеленых» проектов, однако долгосрочная эффективность зависит от качества институционального контроля, достоверности статистических данных и прозрачности механизмов отчетности.

Казахстанская модель устойчивого развития занимает промежуточное положение между европейской регулятивной логикой и азиатской плановой традицией, сочетая стратегическое государственное планирование с постепенным внедрением рыночных инструментов. Концепция перехода Республики Казахстан к «зеленой экономике» (2013 г.) [12] закрепила долгосрочные ориентиры повышения ресурсной и энергетической эффективности, развития возобновляемых источников энергии, модернизации коммунальной и промышленной инфраструктуры, реформирования системы управления водными ресурсами и совершенствования экологического регулирования. Документ предусматривает поэтапное достижение количественных показателей по снижению энергоемкости экономики, увеличению доли ВИЭ и улучшению экологических стандартов в промышленности и аграрном секторе. В институциональном плане реализация концепции была увязана с государственными программами индустриального развития и реформированием механизмов экологического нормирования.

В сравнительно-правовом аспекте данная модель демонстрирует возможность интеграции стратегического планирования и экономических стимулов, что особенно релевантно для государств с переходной экономикой и высокой зависимостью от природных ресурсов.

Таким образом, сравнительный анализ китайской и казахстанской моделей демонстрирует, что устойчивость государственной политики обеспечивается не только стратегическим целеполаганием, но и институциональной архитектурой реализации, включая механизмы координации, систему количественных индикаторов и развитие инструментов «зеленого» финансирования. Для Кыргызской Республики данные элементы представляются особенно значимыми в контексте совершенствования национальной модели устойчивого развития, поскольку позволяют перейти от декларативного закрепления целей к их операционализации через бюджетные, программные и контрольные механизмы.

Вместе с тем формирование эффективной политики устойчивого развития невозможно без прочной конституционно-правовой основы. Конституция Кыргызской Республики закрепляет право каждого на благоприятную для жизни и здоровья экологическую среду, право на возмещение вреда, причиненного экологическими правонарушениями, а также устанавливает обязанность бережного отношения к окружающей среде.[13] Эти положения формируют фундамент концепции «экологического государства» в национальном правопорядке и определяют необходимость дальнейшего развития отраслевого и процедурного законодательства в сфере охраны окружающей среды и устойчивого развития.

Закон Кыргызской Республики «Об охране окружающей среды» (1999 г.) выступает базовым рамочным актом экологического законодательства, закрепляющим принципы охраны окружающей среды, права граждан на благоприятную среду и компенсацию экологического вреда, а также общие основы нормирования, лицензирования и регулирования природопользования.[14] В системном аспекте закон формирует нормативную конструкцию предупреждения экологического вреда через механизмы экологического нормирования, разрешительные процедуры и государственный контроль. Вместе с тем практика его применения выявляет структурные ограничения: недостаточную конкретизацию экономических механизмов стимулирования экологически безопасных технологий, ограниченность превентивных инструментов и фрагментарность механизмов восстановления нарушенных экосистем. В условиях усиления климатических рисков особую актуальность приобретает развитие инструментов ответственности за экологический ущерб и внедрение экономических стимулов, способствующих экологической модернизации хозяйственной деятельности.

Закон Кыргызской Республики «Об экологической экспертизе» (1999 г.) закрепляет институт государственной экологической экспертизы как обязательного элемента принятия решений по проектам, способным оказать значительное воздействие на окружающую среду.[15] Данный институт по своей природе выполняет функцию превентивного правового фильтра, обеспечивая оценку допустимости хозяйственной деятельности до ее начала. Однако эффективность механизма в значительной степени зависит от качества исходных проектных данных, полноты анализа альтернативных вариантов, степени участия общественности и институциональной независимости экспертных органов. На практике сохраняются проблемы формализации процедур, недостаточной оценки кумулятивных и климатических рисков, а также ограниченного последующего контроля исполнения условий экспертизы. В сравнительном контексте это указывает на необходимость модернизации процедурных требований с учетом международных стандартов оценки воздействия и транспарентности.

В научных исследованиях, посвящённых правовым механизмам устойчивого развития в Кыргызской Республике, отмечается, что наличие рамочных экологических законов само по себе не гарантирует результативности политики. Эффективность достигается лишь при условии операционализации норм через подзаконные процедуры, инструменты контроля, экономические стимулы и системную согласованность экологического и финансового регулирования. Особое значение придается институциональному обеспечению реализации законодательства и развитию механизмов правоприменения [16]

В сравнительно-правовом аспекте анализ зарубежных моделей показывает, что ключевым элементом эффективной экологической политики выступает не только формальное наличие процедуры оценки воздействия, но и её содержательное наполнение. Для приближения к лучшим международным стандартам целесообразно усилить требования к анализу кумулятивного воздействия проектов, оценке климатических рисков, а также обязательному рассмотрению альтернативных вариантов реализации хозяйственной деятельности. Включение указанных элементов повышает предсказуемость административных решений, снижает конфликтность инвестиционных проектов и укрепляет доверие к экологическим процедурам как инструменту баланса публичных и частных интересов.

Практика устойчивого развития в современных правопорядках предполагает институциональную связку «стратегия — программа — бюджет — мониторинг», обеспечивающую переход от декларативных целей к измеримым результатам. В Кыргызской Республике стратегическая рамка развития закреплена в Национальной стратегии развития на 2018–2040 годы, утвержденной Указом Президента.[17] Документ определяет долгосрочные ориентиры социально-экономической и экологической модернизации, включая задачи устойчивого роста, рационального природопользования и повышения качества жизни населения.

В развитие системы стратегического управления действует Порядок государственного стратегического управления (2022 г.), регламентирующий процедуры разработки стратегических

документов, программирования и распределения ресурсов.[18] Однако практическая реализация принципов устойчивого развития требует дальнейшей интеграции экологических и климатических приоритетов в программно-бюджетный цикл, а также усиления механизмов мониторинга достижения стратегических индикаторов.

Достижение целей устойчивого развития невозможно без надлежащего финансового обеспечения, поскольку именно бюджетный процесс выступает механизмом трансформации стратегических приоритетов в конкретные государственные программы и проекты. Бюджетный кодекс Кыргызской Республики (2016 г.) формирует юридическую основу управления государственными финансами, включая механизм программного бюджетирования, ориентированный на результат. [19] Вместе с тем интеграция экологических и климатических целей в бюджетно-программный цикл пока носит фрагментарный характер, что затрудняет системную увязку стратегических документов с распределением ресурсов. В этих условиях особую значимость приобретает развитие элементов «зеленого бюджетирования», предполагающего классификацию расходов по экологическим направлениям, оценку климатических рисков инвестиционных проектов и повышение прозрачности отчетности. В качестве методологического ориентира при формировании национальной системы классификации экологических расходов может рассматриваться европейская таксономия устойчивой экономической деятельности.[20]

Закон Кыргызской Республики «О возобновляемых источниках энергии» (2022 г.) формирует нормативную основу развития сектора ВИЭ, закрепляя правовые условия для привлечения инвестиций, регулирования производства и стимулирования использования возобновляемых энергетических ресурсов.[21] В стратегическом измерении данный акт играет системообразующую роль, поскольку обеспечивает институциональную связку между климатическими обязательствами государства, задачами энергетической безопасности и модернизацией национальной экономики. Развитие распределенной генерации, поддержка малых гидроэлектростанций, солнечной и ветровой энергетики создают предпосылки для диверсификации энергобаланса и снижения уязвимости перед климатическими и инфраструктурными рисками. В контексте устойчивого развития закон выступает инструментом интеграции экологических и экономических приоритетов в энергетическую политику государства.

Правовая политика устойчивого развития должна основываться на системе измеримых индикаторов, обеспечивающих сопоставимость целей и оценку результативности принимаемых решений. По данным Всемирного банка (World Development Indicators), показатель выбросов CO_2 на душу населения в Кыргызской Республике (без учета LULUCF) по последним доступным данным составляет около 1,5 т CO_2е на человека, что существенно ниже среднемирового уровня.[22]

Вместе с тем сравнительно низкий объем выбросов не является достаточным показателем экологической устойчивости. Для горных государств, к числу которых относится Кыргызская Республика, ключевыми вызовами выступают климатическая уязвимость, сокращение ледников, водная безопасность и зависимость от гидроэнергетических ресурсов. Следовательно, оценка устойчивости должна учитывать не только уровень эмиссий, но и адаптационный потенциал экономики и институциональную готовность к климатическим рискам.

Социальное измерение устойчивого развития также требует опоры на официальные статистические данные. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики фиксирует положительную динамику показателей бедности: по данным за 2024 г. уровень бедности составил 25,7%, снизившись по сравнению с 2023 г. на 4,1 процентных пункта.[23] Указанный показатель имеет принципиальное значение в контексте реализации Целей устойчивого развития, поскольку экологическая трансформация экономики без учета социальной поддержки населения способна усиливать структурное неравенство и снижать общественную легитимность «зеленого» перехода. Следовательно, политика устойчивого развития должна обеспечивать баланс экологических, экономических и социальных приоритетов, включая адресные механизмы социальной защиты в условиях экологических реформ.

В энергетическом измерении устойчивого развития принципиальное значение имеет показатель доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общем объеме конечного энергопотребления. Данный индикатор отражен в системе мониторинга Целей устойчивого развития как показатель 7.2.1, позволяющий оценивать прогресс государств в переходе к более устойчивой и низкоуглеродной энергетической модели.[24] Включение этого показателя в международную систему отчетности подчеркивает его значение не только как статистической категории, но и как инструмента стратегического планирования энергетической политики.

Для Кыргызской Республики анализ структуры ВИЭ имеет особую специфику. В отличие от многих государств, основную долю возобновляемой энергетики в национальном энергобалансе составляет гидроэнергетика, что обусловлено географическими и природными особенностями страны. Вместе с тем высокая зависимость от гидроресурсов делает энергосистему чувствительной к климатическим колебаниям, сезонной водности и состоянию ледников. В этой связи диверсификация структуры ВИЭ — развитие солнечной и ветровой генерации, а также малых гидроэлектростанций — приобретает стратегическое значение для повышения энергетической устойчивости.

Кроме того, показатель доли ВИЭ должен рассматриваться в контексте региональной неравномерности энергоснабжения. В отдельных регионах сохраняются проблемы сезонного дефицита электроэнергии и инфраструктурных ограничений, что требует развития распределенной генерации и модернизации сетевого хозяйства. Таким образом, анализ индикатора 7.2.1 должен учитывать не только формальный процент ВИЭ в энергобалансе, но и структурные характеристики генерации, уровень технологической модернизации и способность энергетической системы адаптироваться к климатическим и экономическим вызовам.

Климатические риски для горных государств непосредственно связаны с динамикой состояния ледниковых систем, определяющих водный баланс и гидрологическую устойчивость территорий. По данным публикаций ЮНЕСКО и международных исследований по Центральной Азии, за длительный период наблюдается устойчивое сокращение площади ледников Кыргызской Республики, что увеличивает риски маловодья, изменения сезонного стока рек и роста частоты экстремальных климатических явлений.[25] Данная тенденция имеет не только экологическое, но и социально-экономическое значение, поскольку затрагивает энергетическую безопасность, сельское хозяйство и обеспечение населения водными ресурсами.

В правовом измерении указанные процессы обусловливают необходимость усиления адаптационных механизмов в водном, аграрном и законодательстве о чрезвычайных ситуациях, а также интеграции оценки климатических рисков в процедуры государственного стратегического планирования и экологической экспертизы. Таким образом, устойчивое развитие для Кыргызской Республики предполагает не только снижение выбросов, но и формирование комплексной правовой модели климатической адаптации.

дюС учетом проведенного анализа представляется обоснованным дальнейшее институциональное укрепление государственной политики устойчивого развития в Кыргызской Республике. В приоритетном порядке целесообразно обеспечить системную интеграцию экологических и климатических целей в стратегическое планирование и бюджетный процесс, усилить межведомственную координацию и развивать механизмы мониторинга достижения показателей ЦУР. Важное значение имеет совершенствование процедур экологической экспертизы с учетом оценки кумулятивных и климатических рисков, а также расширение прозрачности и участия общественности в принятии экологически значимых решений. Одновременно необходимо поэтапное внедрение элементов «зеленого бюджетирования» и развитие инструментов стимулирования возобновляемой энергетики и ресурсной эффективности.

Реализация указанных направлений позволит придать устойчивому развитию в Кыргызской Республике не декларативный, а операциональный характер, обеспечив баланс экологических, экономических и социальных приоритетов. Комплексное совершенствование правовой и институциональной архитектуры создаст условия для повышения климатической адаптивности,

рационального природопользования и укрепления энергетической безопасности. Тем самым Кыргызская Республика сможет внести свой вклад в сохранение глобальной экологической стабильности и последовательно выполнить принятые международные обязательства в сфере устойчивого развития и охраны окружающей среды.

Список использованной литературы

1. Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию. Наше общее будущее (World Commission on Environment and Development. *Our Common Future*). — 1987. — URL: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (дата обращения: 28.09.2026).
2. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (Rio Declaration on Environment and Development) : принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 1992. — URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_CONF.151_26_Vol.I_Declaration.pdf (дата обращения: 28.09.2026).
3. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Transforming Our World: *The 2030 Agenda for Sustainable Development*) : резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 г. — URL: https://undocs.org/A/RES/70/1 (дата обращения: 28.09.2026).
4. Парижское соглашение по климату (Paris Agreement) : принято 12 декабря 2015 г. в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата. — URL: https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-paris-agreement (дата обращения: 28.09.2026).
5. Европейская экономическая комиссия ООН. Третий обзор результативности экологической деятельности: Кыргызская Республика (United Nations Economic Commission for Europe. *Third Environmental Performance Review: Kyrgyzstan*). — Женева : United Nations, 2019. — URL: https://unece.org/environment-policy/publications/3rd-environmental-performance-review-kyrgyzstan (дата обращения: 28.09.2026).
6. Сэндс Ф., Пил Дж., Фабра А., Маккензи Р. Принципы международного экологического права (Sands P., Peel J., Fabra A., MacKenzie R. *Principles of International Environmental Law*). — 4-е изд. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — URL: https://www.cambridge.org/core/books/principles-of-international-environmental-law/ (дата обращения: 28.09.2026).
7. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-Making and Access to Justice in Environmental Matters — Aarhus Convention) : принята в г. Орхус (Дания) 25 июня 1998 г. — URL: https://unece.org/environment-policy/publications/aarhus-convention-text (дата обращения: 28.09.2026).
8. Европейский зеленый курс (European Green Deal) : сообщение Европейской комиссии Европейскому парламенту, Европейскому совету, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов. COM(2019) 640 final, 11 декабря 2019 г. — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/ (дата обращения: 28.09.2026).
9. Регламент (ЕС) 2020/852 Европейского парламента и Совета от 18 июня 2020 г. о создании рамочной основы для содействия устойчивым инвестициям и внесении изменений в Регламент (ЕС) 2019/2088 (Regulation (EU) 2020/852 on the Establishment of a Framework to Facilitate Sustainable Investment). — URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32020R0852 (дата обращения: 28.09.2026).
10.Закон о национальной экологической политике США (National Environmental Policy Act — NEPA) : Public Law 91–190, 1 January 1970; 42 U.S.C. § 4321 et seq. — URL: https://www.epa.gov/nepa (дата обращения: 28.09.2026).
11.Программа ООН по окружающей среде. Зеленое развитие в Китае: прогресс, вызовы и политические последствия (United Nations Environment Programme. *Green Development in China: Progress, Challenges and Policy Implications*). — UNEP Report. — URL: https://www.unep.org/resources/report/green-

development-china (дата обращения: 28.09.2026).
12.О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» : Указ Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 г. № 577. — URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1300000577 (дата обращения: 28.09.2026).
13.Конституция Кыргызской Республики : принята 11 апреля 2021 г. — URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112089/edition/112089/ru (дата обращения: 28.09.2026).
14.Об охране окружающей среды : Закон Кыргызской Республики. — URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-4081/edition/956378/ru (дата обращения: 28.09.2026).
15.Об экологической экспертизе : Закон Кыргызской Республики. — URL: https://cbd.minjust.gov.kg/219/edition/638848/ru (дата обращения: 28.09.2026).
16.Акматова А., Ниязбекова Ш., Бритвина В., Карабаева К., Осмонова А. Правовые механизмы Кыргызской Республики по продвижению устойчивого развития и охраны окружающей среды (Legal Mechanisms of the Kyrgyz Republic to Promote Sustainable Development and Environmental Protection) // E3S Web of Conferences. — 2023. — Vol. 431. — Art. 07040. — DOI: 10.1051/e3sconf/202343107040. — URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2023/68/e3sconf_itse2023_07040.pdf (дата обращения: 28.09.2026).
17.Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы : утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 31 октября 2018 г. № 221. — URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-21553/edition/128187/ru (дата обращения: 28.09.2026).
18.Порядок государственного стратегического управления Кыргызской Республики : утвержден постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 30 июня 2022 г. № 357. — URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-15103/edition/146229/ru (дата обращения: 28.09.2026).
19.Бюджетный кодекс Кыргызской Республики от 16 мая 2016 г. № 59 (Budget Code of the Kyrgyz Republic). — URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-6225/edition/153842/ru (дата обращения: 28.09.2026).
20.О возобновляемых источниках энергии : Закон Кыргызской Республики от 30 июня 2022 г. № 49. — URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-12565/edition/201699/ru (дата обращения: 28.09.2026).
21.Всемирный банк. Выбросы CO_2 (метрические тонны на душу населения), Кыргызская Республика (World Bank. *CO_2 Emissions (Metric Tons per Capita), Kyrgyz Republic*) // World Development Indicators. — URL: https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC?locations=KG (дата обращения: 28.09.2026).
22.Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Уровень бедности в Кыргызской Республике : официальные статистические данные за 2024 г. — URL: https://stat.gov.kg/ru/statistics/uroven-zhizni-naseleniya/ (дата обращения: 28.09.2026).
23.Организация Объединенных Наций. Индикатор 7.2.1 «Доля возобновляемых источников энергии в конечном энергопотреблении» (United Nations. SDG Indicator 7.2.1: *Renewable Energy Share in the Total Final Energy Consumption*) // Глобальная база данных ЦУР. — URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/database/ (дата обращения: 28.09.2026).
24.Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Горы и ледники Центральной Азии: состояние и вызовы (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. *Mountains and Glaciers in Central Asia*). — UNESCO Publications. — URL: https://www.unesco.org/en/water-security/glaciers (дата обращения: 28.09.2026).

Рецензент: доктор педагогических наук, профессор Канаев А.Б.